

RU

Корпоративная этика в романах США XXI века (Д. Эггерс «Сфера», Г. Штейнгарт «Супергрустная история настоящей любви»)

Плахин Н. С.

Аннотация. В статье представлен анализ корпоративной этики в американской литературе XXI века в контексте надзорного капитализма и эрозии либеральных ценностей на примере романов Дэйва Эггерса «Сфера» (2013) и Гэри Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» (2010). В статье исследуется трансформация дистопической парадигмы, переход от государственного угнетения к корпоративному управлению поведением на примере главных героев, вынужденных существовать в условиях полной прозрачности и превращения человека в товар. Научная новизна исследования заключается в выявлении модели риторики, используемой корпоративными структурами в качестве оружия, и в раскрытии того, как этические рамки переориентируются для легитимизации извлечения человеческого опыта в виде поведенческих данных. Цель исследования заключается в определении особенностей представления корпоративной этики в современной американской художественной литературе на основе материала романов Д. Эггерса и Г. Штейнгарта. В статье исследуются повествовательные траектории Мэй Холланд и Ленни Абрамова как примеры подчинения субъекта алгоритмическому управлению. Полученные результаты показали, как современная корпоративная этика лишается внутренней ценности и становится средством достижения коммерческого успеха.

EN

Corporate ethics in the 21st-century American novels
(D. Eggers' "The Circle", G. Shteyngart's "Super Sad True Love Story")

N. S. Plakhin

Abstract. The article presents an analysis of corporate ethics in the 21st-century American literature within the context of surveillance capitalism and the erosion of liberal values, using Dave Eggers' novel "The Circle" (2013) and Gary Shteyngart's "Super Sad True Love Story" (2010) as case studies. The article examines the transformation of the dystopian paradigm, focusing on the shift from state oppression to corporate behavior management, exemplified by protagonists forced to exist in conditions of total transparency and the commodification of the human being. The scientific novelty of the research lies in identifying the rhetoric model used by corporate structures as a weapon and revealing how ethical frameworks are reoriented to legitimize the extraction of human experience as behavioral data. The aim of the research is to determine the features of corporate ethics representation in the contemporary American fiction based on the novels of D. Eggers and G. Shteyngart. The article investigates the narrative trajectories of Mae Holland and Lenny Abramov as the examples of the subject's submission to algorithmic control. The results demonstrate how modern corporate ethics is stripped of intrinsic value and becomes a tool for achieving commercial success.

Введение

Несмотря на распространение научных исследований по неолиберализму и цифровому капитализму в современной американской литературе, в литературоведении мало внимания уделяется корпоративной этике. Актуальность исследования обусловлена необходимостью её переосмысления на фоне смены социокультурных и экономических парадигм XXI века. Анализ представления корпоративной морали в американской художественной литературе имеет решающее значение для отслеживания фундаментальных изменений в национальной идентичности. Коммерциализация человеческого опыта и переориентация этической риторики на инструменты контроля поведения всё чаще проявляют себя в нынешнюю эпоху цифровизации и надзорного капитализма. Следовательно, анализ художественного выражения этих механизмов нужен для современного литературоведения. Романы Дэйва Эггерса «Сфера» и Гэри Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви»

служат основными источниками для данного исследования. Они предлагают взаимодополняющие художественные воплощения диалектики между утопической технологической прозрачностью и капиталистической эксплуатацией.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: проанализировать ключевые элементы корпоративной этики в рамках выбранных романов; изучить особенности отображения диалектики между технологическим утопизмом и капиталистической эксплуатацией; исследовать процесс трансформации дистопического субъекта в контексте социокультурных условий надзорного капитализма; определить место романов Д. Эггерса и Г. Штейнгарта в эволюции литературной интерпретации взаимодействия между частной жизнью, моралью и корпоративной властью.

В качестве материала для исследования были выбраны романы Дэйва Эггерса «Сфера» и Гари Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви», которые в современном литературоведении привлекали к себе недостаточное внимание, рассматриваясь, в основном, через призму общих дистопических тропов, а не корпоративной этики (Эггерс, 2023; Штейнгарт, 2012). Первоисточники: Eggers D. *The Circle*. N. Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2013; Shteyngart G. *Super Sad True Love Story*. N. Y.: Random House, 2010.

Теоретическая основа исследования опирается на работы российских ученых, которые проанализировали трансформацию дистопических парадигм, информационного контроля и корпоративной этики в современной литературе. Во-первых, О. Н. Халуторных (2021) рассматривает дистопию как социокультурный прогноз «общества риска», демонстрируя, как возникающие глобальные угрозы систематически подрывают аксиологические основы либерального общества и приводят к эрозии основополагающих гражданских свобод. Опираясь на этот временной сдвиг, И. Д. Лукашёнок (2010) выявляет изменения в антиутопическом дискурсе начала XXI века, отмечая, что современный герой больше не борется с монолитным государственным аппаратом, а сталкивается исключительно с хаосом настоящего и угрожающей неопределенностью будущего. В контексте цифровой корпоратизации Е. В. Кашулина (2023) прослеживает эволюцию тоталитарного контроля, когда политический террор заменяется цифровым. В дополнение к этому анализу Г. И. Лушниковой и Т. Ю. Осадчая (2024) исследуют лингвистическое моделирование этой дистопической реальности. Наконец, А. Г. Некита и Е. П. Суслова (2020) в своем анализе моделей биополитической социализации раскрывают культурные последствия навязанной эмоциональной изоляции, демонстрируя, что субъекты, насильно оторванные от подлинных аффективных переживаний, неизбежно теряют основополагающие гуманистические ценности. Кроме того, данное исследование опирается на работы зарубежных исследователей, которые разрабатывают концепции механизмов цифрового контроля, экономической идеологии и надзорного капитализма. Американский философ Ш. Зубофф (Zuboff, 2015; 2019) вводит концепцию «надзорного капитализма», определяя его как одностороннее извлечение человеческого опыта в виде поведенческих данных. С другой стороны, английский философ М. Фишер (Fisher, 2009) исследует «капиталистический реализм», выраженный в повсеместной неспособности общества представить себе какую-либо альтернативу рыночной системе. В. Браун (Brown, 2015) анализирует неолиберальную трансформацию субъекта. В контексте литературного анализа Б. Васихун (Wasihun, 2018) исследует связь между наблюдением и эмоциями в творчестве Эггерса. К. Маурер и К. Ф. Ростбёлль (Maurer, Rostbøll, 2020) подвергают критике демократические последствия принудительной «прозрачности» и открытости любой информации. Д. Ишик (Isik, 2020) применяет фукольдскую призму к повествованию Эггерса. Наконец, Питер Маркс (Marks, 2005) изучает различные литературные изображения дистопического общества.

Для достижения цели исследования был использован комплекс взаимодополняющих методов. Сравнительно-сопоставительный метод был применен для анализа различных проявлений корпоративной этики и тотального контроля в американской антиутопической литературе XXI века. Этот метод выявил структурные сходства и различия в том, как авторы изображают эрозию либеральных ценностей. С помощью герменевтико-интерпретационного метода была изучена связь утопической технологической прозрачности с капиталистической эксплуатацией, внутренние противоречия главных героев и их меняющееся отношение к коммодификации человеческого опыта. Наконец, был использован критический дискурсивный анализ для выделения риторических стратегий, характерных для корпоративного этического дискурса.

Корпоративная этика в этой статье рассматривается как система моральных принципов и стандартов поведения, диктуемых бизнесом своим сотрудникам. Она охватывает риторические стратегии, используемые монополистическими структурами для легитимизации извлечения человеческого опыта, систематического подрыва частной жизни и подчинения индивидуальной автономии коммерческим императивам. Надзорный капитализм обозначает специфическую логику накопления, в которой частный человеческий опыт односторонне объявляется бесплатным сырьем для преобразования в поведенческие данные. В романах Дэйва Эггерса и Гари Штейнгарта он функционирует как основа корпоративной гегемонии, заменяя традиционную государственную власть алгоритмическим управлением и коммодификацией повседневной жизни.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в рамках проведения лекционных и практических занятий по истории литературы США и по новейшей американской литературе.

Обсуждение и результаты

Отражение корпоративной этики в американской художественной литературе XXI века не является простым внешним фоном повествования, служащим лишь для описания мира, в котором функционируют

персонажи. Вместо этого современная проза усваивает логику корпоративной культуры, воплощая установленные ею моральные рамки в психологии и поведении персонажей. Таким образом, этический дискурс всё в большей степени опосредуется рыночной логикой и мотивацией. Как отмечает американский политолог и философ Венди Браун, «по мере того, как нормативный порядок мышления за три десятилетия превратился в широко распространенную управляющую рациональность, неолиберализм трансформирует каждую сферу человеческой деятельности и начинания, а также самих людей, в соответствии с определенным образом экономики» (Brown, 2015, p. 9-10). Когда такая рациональность проникает в литературу, корпоративная этика перестает функционировать исключительно как предмет сюжета и становится формальным ограничением, которое определяет то, как рассказываются истории, как персонажи оценивают принимаемые ими моральные решения и как читатели ориентируются в такой этической неоднозначности.

Литература после финансового кризиса стала свидетелем устойчивого интереса к корпоративному управлению и культуре. Романисты все чаще используют корпоративную риторику не как сатирическое преувеличение, а как неизменную реальность, отражая то, что английский философ Марк Фишер определяет как «широко распространенное ощущение, что капитализм не только является единственной жизнеспособной политической и экономической системой, но и что сейчас невозможно даже представить себе альтернативу ему» (Fisher, 2009, p. 2). В рамках этого идеологического контекста этическая критика в современной художественной литературе должна учитывать, как корпоративная логика нормализует слежку, количественную оценку и оптимизацию человеческой жизни по рыночным стандартам как моральные императивы. Концептуализация современной экономики данных, предложенная Шошаной Зубофф, проясняет механизм, посредством которого происходит эта нормализация: «...надзорный капитализм в одностороннем порядке претендует на человеческий опыт как на бесплатное сырье для преобразования в поведенческие данные» (Zuboff, 2019, p. 8).

Как отмечают Г. И. Лушникова и Т. Ю. Осадчая в своем анализе творчества Дэйва Эггерса, «главным объектом сатиры Д. Эггерса является изменение образа жизни и в некотором смысле сознания человечества под влиянием власти интернет-систем, включающих стремительно расширяющиеся медиакommunikации и информационные базы» (2024, с. 133). Это изменение достигается лингвистически, путем внедрения корпоративных императивов в повседневный язык до тех пор, пока сопротивление не станет когнитивно недоступным. Физическая среда корпорации в романе «Сфера» спроектирована так, чтобы обеспечить это лингвистическое перепрограммирование. Кампус компании представлен как идиллическое, тщательно продуманное пространство, однако на его дорожках выгравированы принудительные, императивные подсказки. Когда главная героиня Мэй Холланд проходит по территории, она встречает плитки с выгравированными лазером указаниями: «Мечтай», «Вливайся», «Найди сообщество», «Изобретай» и «Вообрази», а кульминацией становится работник, укладывающий новую плитку с командой «Дыши» (Эггерс, 2023, с. 7). Эти корпоративные мантры формируют сознание сотрудников, приравнивая лояльность к моральным ценностям компании к жизненной необходимости. Такое окружающее воздействие подготавливает субъекта к усвоению идеологии компании. Когда на Мэй оказывают давление, требуя оправдать ее кратковременное желание скрыть подробности своей личной жизни, она синтезирует корпоративный догмат в три абсолютные максимы: «ТАЙНА ЕСТЬ ЛОЖЬ / ДЕЛИШЬСЯ – ЗНАЧИТ ЛЮБИШЬ / ЛИЧНОЕ ЕСТЬ ВОРОВАННОЕ» (Эггерс, 2023, с. 295). Приравнивая частную жизнь к краже, корпорация переопределяет одно из основных прав человека как моральный провал, тем самым нейтрализуя любые этические возражения против тотального наблюдения.

Роман Гэри Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» иллюстрирует механизм контроля, сосредоточиваясь на явной экономической девальвации гуманистической мысли. В обществе, в котором власть принадлежит крупным корпорациям, таким как «Штатлинг-Вапачун», одним из дочерних предприятий которой являются «Постжизненные услуги» (место работы главного героя романа Ленни Абрамова), интеллектуальные поиски представляются как биологическая и экономическая обуза. Когда Ленни пытается оправдать время, проведенное им в Европе за чтением и размышлениями, его начальник, Джоши Голдман, отвергает эти занятия как принципиально несовместимые с выживанием корпорации. Джоши утверждает: «Вот эти мысли, эти книги – как раз в них твоя проблема, Резус... Хватит уже думать, пора продавать... Ты только не злись. Не забывай, я начинал с того же самого. Сцена. Гуманитарщина. Все это – Заблуждения Чистого Бытия. ЗЧБ. Потом у нас будет куча времени – успеется и подумать, и записать, и поиграть. А сейчас надо продавать, чтобы выжить» (Штейнгарт, 2012, с. 76). Аббревиатура «ЗЧБ» сводит сложные гуманитарные поиски к легко отвергаемой патологии. Императив «продавать, чтобы выжить» устанавливает бинарную оппозицию, в которой этическое или интеллектуальное размышление не просто невыгодно, но и активно опасно для продолжения существования индивидуума.

Оба автора демонстрируют, что эрозия либеральных ценностей начинается с искажения языка. Будь то утопические лозунги компании в «Сфере» или посыл, направленный на получение прибыли любой ценой ради выживания в «Супергрустной истории настоящей любви», корпоративная структура диктует границы мыслимого. Субъект не просто угнетается внешней силой, скорее, он лингвистически запрограммирован на то, чтобы рассматривать собственное подчинение как моральную и практическую необходимость. Это закладывает основу для последующих механизмов контроля, при которых наблюдение больше воспринимается не как вторжение, а как логическое продолжение этой перепрограммированной этики.

Лингвистическое перепрограммирование корпоративной этики неизбежно уступает место более коварному механизму контроля: интернализации надзора. В американской антиутопической литературе XXI века корпоративный надзор вышел за рамки грубых, оруэллианских моделей государственного террора. Вместо

этого он функционирует как система, которая перестраивает внутренний моральный компас субъекта. Как отмечает Д. Ишик, «наблюдение используется в современных институтах для контроля и управления людьми... Люди начинают контролировать и управлять собой, как будто за ними следит невидимое око» (Isik, 2020, p. 155). В романе «Сфера» во время допроса Мэй об обстоятельствах ее проникновения ночью на лодочную станцию и использования каяка без ведома владельцев станции мы можем наблюдать подобный контроль. Один из глав Сферы, Бейли, убеждает Мэй, что само ощущение того, что за ней следят или нет, диктует ей, как вести себя. Когда Бейли спрашивает: «Когда за тобой наблюдают, ты ведешь себя лучше или хуже?», Мэй отвечает: «Лучше. Несомненно» (Эггерс, 2023, с. 288). Этим признанием автор показывает нам, что для корпоративной этики компании Сфера частная жизнь – это прикрытие для неэтичного поведения, а постоянное наблюдение – единственный гарант нравственности. Но в такой ситуации человеку невозможно проявить свою моральную ответственность за принятые решения, так как они уже диктуются не внутренним моральным компасом, а нежеланием негативной оценки от наблюдателей. Как утверждают К. Маурер и К. Ф. Ростбёлль, «прозрачность того рода, которую создают камеры SeeChange или технологии наблюдения, может порождать некий вид мгновенной подотчетности, но она не создает пространства и времени, необходимых для рефлексивной подотчетности» (Maurer, Rostbøll, 2020, p. 12). Требуя полной и мгновенной видимости, корпоративный аппарат уничтожает рефлексивную паузу, необходимую для подлинного этического суждения. Субъект остается не с обостренным моральным чувством, а с пустым, реактивным послушанием, обусловленным тем, что он совершает добро только тогда, когда предполагается, что невидимое око наблюдает за ним.

Кроме того, Б. Васихун разъясняет философские основы корпоративной логики «Сферы», отмечая, что «согласно корпоративной философии романа Эггерса, эрозия частной жизни предотвращает стыд. Логика этого предположения заключается в том, что постоянное наблюдение ведет к прозрачности – а прозрачность должна стереть стыд» (Wasihun, 2018, p. 14). Систематически уничтожая частную сферу, корпорация устраняет психологическое пространство, в котором стыд традиционно действует как моральный регулятор. На его место компания устанавливает принудительную прозрачность, которая отождествляет видимость с добродетелью.

Роман Гэри Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» к изображению проявления общественных этических сдвигов подходит с другой стороны. Здесь интернализация корпоративной биополитики проявляется как жестокий механизм социальной селекции. Когда главный герой, Ленни Абрамов, сталкивается с отчаянными неимущими в Томпкинс-сквер-парке, его отказ помочь им представляется не как моральный провал, а как рациональное следование корпоративной доктрине. Он оправдывает свое пренебрежение уязвимыми, повторяя институциональный лозунг: «Первым делом безопасность», как говорят в «Постжизненных услугах». Наши жизни дороже чужих» (Штейнгарт, 2012, с. 188). В этом контексте корпоративная этика не просто стирает чувство стыда, она активно переориентирует инстинкт выживания в моральное оправдание социального отречения, превращая эмпатию в устаревшую обузу.

Следствием этих корпоративных систем является эрозия человеческих качеств и неизбежный крах техноутопических обещаний. О. Н. Халуторных отмечает: «Наличие новых мировых угроз подрывает устоявшийся порядок вещей, попирает незыблемые основы Старого света – гражданские свободы, ценности либерализма» (2021, с. 1). В этих рамках современный антиутопический субъект больше не борется с монолитным государственным аппаратом. Вместо этого, как отмечает И. Д. Лукашёнок, «к началу XXI века социальный план антиутопического произведения микшируется. И человек в антиутопии нового века противостоит уже исключительно хаосу настоящего и угрожающей неопределенности будущего» (2010, с. 287). Эта экзистенциальная дезориентация усугубляется глубокими культурными потерями. А. Г. Некита и Е. П. Суслова подчеркивают, что «принудительно огражденные от чувств и эмоций люди теряют главное – романтику, любовь, страсть, материнство, благородство, героизм, искусство, культуру» (2020, с. 5). Роман Гэри Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» иллюстрирует этот тупик через призму биологической коммодификации. Корпорация «Постжизненные услуги» рассматривает бессмертие не как право человека, а как строго иерархизированный товар. Когда Ленни Абрамов умоляет о дехрононизации (омоложении) со скидкой, чтобы спасти свою жизнь, его начальник Джоши Голдман выносит холодный, продиктованный рынком вердикт: «Если хочешь жить вечно, средства найдешь» (Штейнгарт, 2012, с. 144). Суть философии постжизни заключается в том, что выживание зависит исключительно от покупательной способности. Однако этот биологический проект изначально обречен на провал. Кульминацией повествования становится публичное, унижающее признание Джоши в неудаче: «Мы ошибались. Антиоксиданты оказались тупиком... В итоге природа отказалась поддаваться» (Штейнгарт, 2012, с. 377). И вместо того чтобы признать этическое банкротство своего начинания, совет директоров компании просто меняет направление, перепрофилируя провалившееся медицинское предприятие в поверхностный спа-салон и клинику пластической хирургии. Техноутопическое обещание рушится, превращаясь в пустой потребительский фасад.

Роман Дэйва Эггерса «Сфера» также представляет собой этический провал. Стремление компании к «Демокша» (Demoxie) – системе обязательного, нефiltroванного онлайн-голосования – разоблачается ее собственным создателем, одним из трех, наряду с Бейли и Стентоном, глав Сферы, Тау, как механизм власти толпы. Он предупреждает Мэй, что эта система создает «общество без фильтров, где всякая тайна преступна» (Эггерс, 2023, с. 467). Тау определяет это не как демократическое расширение прав и возможностей, а как радикальную идеологию, которую Стентон безжалостно эксплуатировал: «Стентон поставил наш идеализм на поток, монетизировал нашу утопию. Это он связал нашу работу и политику, политику и контроль» (Эггерс, 2023, с. 467).

Корпоративная структура использует прозрачность как средства для воплощения своих политических амбиций и укрепления абсолютного контроля и над государственными структурами, и над частным сознанием.

По мнению Ш. Зубофф, конечной целью надзорного капитализма является не просто наблюдение, а «предсказание и изменение человеческого поведения как средство получения дохода и контроля над рынком» (Zuboff, 2015, p. 75). Кроме того, как утверждает П. Маркс, «художественное изображение слежения в последние годы значительно вышло за рамки оруэллианских представлений» (Marks, 2005, p. 236). И Эггерс, и Штейнгарт демонстрируют, как корпоративные структуры используют технологии и социальную сортировку для формирования послушного, стратифицированного населения, лишённого этических ориентиров, не связанных с извлечением прибыли. Как заключает Е. В. Кашулина в своем анализе творчества Эггерса: «...этика лишается самоценности, а становится лишь средством достижения успеха» (2023, с. 157). Будь то биологический и экономический упадок, изображённый Г. Штейнгартом, или идеологические мантры, перформатирующие сознание, представленные Д. Эггерсом, корпоративная этика функционирует не как основа морального управления, а как технология социального контроля.

Таким образом, в исследуемых романах корпоративная этика утрачивает нормативно-моральную функцию. Оба произведения выявляют единый вектор развития корпоративного дискурса. Корпорация в литературе XXI века фактически подменяет собой государство и формирует пространство, в котором рыночная логика становится единственно возможной онтологической рамкой.

Заключение

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

Ключевыми элементами дискурса корпоративной этики в романах Дэйва Эггерса «Сфера» и Гэри Штейнгарта «Супергрустная история настоящей любви» являются: лингвистическое перепрограммирование моральных концепций, использование прозрачности в качестве оружия и систематическая коммодификация человеческого опыта. Они формируют модель взаимодействия между технологическим утопизмом и капиталистической эксплуатацией, характерную для современной американской культуры. Анализ художественных средств показал, что оба автора пьют различные повествовательные стратегии для изображения внутренних конфликтов персонажей. Д. Эггерс использует корпоративные мантры, чтобы проиллюстрировать частную жизнь как моральный провал, в то время как Г. Штейнгарт через призму борьбы с биологической смертью демонстрирует смерть гуманистической мысли.

Исследование антиутопического субъекта показывает, как Д. Эггерс и Г. Штейнгарт переосмысливают эту фигуру. В то время как в традиционных антиутопиях XX века главные герои сражались с монолитной диктатурой в виде государства, герои в современных романах сталкиваются с контролем корпораций. Авторы демонстрируют, что в контексте капитализма слежения человек сводится к заменимому биологическому товару. Это приводит к отчужденности от гуманистических ценностей, включая искусство, культуру и настоящую эмоциональную связь.

Авторы показывают корпоративную деятельность одновременно как обещание эгалитарной прозрачности и как источник тотального контроля. Романы демонстрируют, что современная американская литература отошла от изображения политического угнетения к более сложному пониманию рыночно-ориентированной дисциплины и ее влияния на психику человека и социальную структуру.

Данное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения корпоративного этического дискурса в американской литературе XXI века. Расширение сферы исследования за счет включения более широкого спектра произведений обогатит наше понимание того, как этот дискурс продолжает развиваться в контексте цифровой экономики, искусственного интеллекта и глобализации.

Материалы исследования | Research materials

1. Эггерс Д. Сфера: роман / пер. с англ. А. Грызуновой. М.: Фантом Пресс, 2023.
2. Штейнгар Г. Супергрустная история настоящей любви: роман / пер. с англ. А. Грызуновой. М.: Эксмо, 2012.

Источники | References

1. Кашулина Е. В. Тема тотального надзора в эпоху цифровых технологий в романе Д. Эггерса «Сфера» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3.
2. Лукашёнок И. Д. Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 4.
3. Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Язык общества будущего как объект сатиры в антиутопической диалогии Д. Эггерса // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-130-139>
4. Некита А. Г., Суслова Е. П. Ужасы моделей биополитической социализации в голливудских экранизациях антиутопического проекта О. Хаксли // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 6 (31).
5. Халуторных О. Н. Антиутопия как социокультурный прогноз развития общества риска // Гуманитарный вестник. 2021. № 3. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2021-3-723>

6. Brown W. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. N. Y.: Zone Books, 2015. <https://doi.org/10.2307/j.ctt17kk9p8>
7. Fisher M. Capitalist Realism: Is There No Alternative? Winchester: Zero Books, 2009.
8. Isik D. A Foucauldian Reading of Dave Eggers's The Circle // Journal of Modernism and Postmodernism Studies. 2020. Vol. 1. Issue 2.
9. Marks P. Imagining Surveillance: Utopian Visions and Surveillance Studies // Surveillance & Society. 2005. Vol. 3. No. 2-3. <https://doi.org/10.24908/ss.v3i2/3.3503>
10. Maurer K., Rostbøll C. F. Demoxie: Reflections on Digital Democracy in Dave Egger's novel The Circle // First Monday. 2020. Vol. 25. No. 5. <https://doi.org/10.5210/fm.v25i5.10650>
11. Wasihun B. Surveillance and Shame in Dave Eggers's The Circle // On_Culture: The Open Journal for the Study of Culture. 2018. Issue 6.
12. Zuboff S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // Journal of Information Technology. 2015. Vol. 30. <https://doi.org/10.1057/jit.2015.5>
13. Zuboff S. Surveillance Capitalism and the Challenge of Collective Action // New Labor Forum. 2019. Vol. 28. No. 1. <https://doi.org/10.1177/1095796018819461>

Информация об авторах | Author information

Плахин Никита Сергеевич¹

¹ Московский городской педагогический университет

Nikita Sergeevich Plakhin¹

¹ Moscow City University

¹ Plen1504@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.06.2026; опубликовано online (published online): 27.07.2026.

Ключевые слова (keywords): корпоративная этика; американская литература XXI века; Дэйв Эггерс; Гэри Штейнгарт; надзорный капитализм; corporate ethics; 21st-century American literature; Dave Eggers; Gary Shteyngart; surveillance capitalism.